

Димитриева О. А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2020. — № 2. — С. 70—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84.

Dimitrieva, O. A. (2020). Features of Conceptualization of Wine Drinking Situation in the Works of N. S. Leskov. *Nauchnyi dialog*, 2: 70-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37:392.86+821.161.1Лесков.07

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-2-70-84

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Н. С. ЛЕСКОВА

© Димитриева Ольга Альбертовна (2020), orcid.org/0000-0003-2734-640X, кандидат филологических наук, старший сотрудник научно-исследовательского института этнопедагогике имени академика РАО Г. Н. Волкова, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева» (Чебоксары, Россия), olgaal_79@mail.ru.

В статье рассматриваются особенности представления ситуации винопития в произведениях Н. С. Лескова. Отмечается, что вакхическая лексика может выполнять различные функции в мире художественного произведения. Во-первых, она участвует в пространственной организации произведения, «задает» фон для развертывания событий. Во-вторых, выполняет сюжетомоделирующую функцию, то есть формирует повествовательную канву, является ключевой точкой поворота событий. Отмечается, что, помимо утилитарной функции, вино может быть показателем социального статуса, ценностных установок, веры. Автор ставит цель — выявить особенности и характеристики наименований спиртного, а также этнокультурный компонент осмысления ситуации винопития. Описываются особенности наименования спиртного: гапаксы, возникающие на основе контаминации названия спиртного и созвучного действия или какой-либо его характеристики; положительные и отрицательные описательные наименования; перенос наименования спиртного на ситуацию и / или ее результат и др. Показано, что важной особенностью идиостиля Лескова является репрезентация русского национального характера через введение национальных обычаев и традиций, представленных часто на фоне особенностей жизни других наций, при этом немаловажную роль в данном случае играет ситуация винопития.

Ключевые слова: Лесков; концептуализация; национальный характер; менталитет; русская языковая картина мира; индивидуально-авторская картина мира.

1. Вводные замечания

Как отмечает Н. Н. Болдырев, окружающая действительность в сознании каждого человека представлена по-разному, у каждого своя «индивидуальная концептуальная система», что отражается как в процессах

познания окружающей действительности, так и в речевом общении. «Языковые выражения приобретают конкретный смысл только в рамках определенной концептуальной системы <...>» [Болдырев, 2019, с. 22—23]. Введение в художественный текст ситуации винопития, ее интерпретация репрезентируются авторами по-разному в зависимости, во-первых, от индивидуального мировидения, отношения автора, его понимания и осмысления данного процесса (в том числе от авторского замысла), а во-вторых, от общего представления, стереотипов, бытующих в данный временной период. Е. Г. Беляевская пишет о «дискурсивной интерпретации мира и знаний о мире», которая эксплицирует «индивидуальное мировидение, содержащее индивидуально-авторскую оценку» [Беляевская, 2016а; Беляевская, 2016б].

Характеризуя распределение внимания в нарративных текстах, О. К. Ирисханова рассматривает два важных понятия: «выдвижение (foregrounding)» и «фон (background)» (в когнитивной нарратологии — «фигура» и «фон»), — понимая под первым «элементы нарратива, которые продвигают сюжет и являются ключевыми и неожиданными» [Ирисханова, 2013, с. 20], под вторым — «нетемпоральные и относительно предсказуемые фрагменты повествования — описания, комментарии <...>» [Там же, с. 22].

Функции вакхической лексики в мире художественного произведения могут быть различными в зависимости от распределения внимания.

Во-первых, вакхическая лексика участвует в организации пространства ситуации «застолье», создавая фон, и часто может характеризовать социальный статус «актантов». Приведем в качестве примера два отрывка из рассказа Ф. М. Достоевского «Скверный анекдот» (1862):

(1) *Тогда, однажды зимой, в ясный и морозный вечер, впрочем часу уже в двенадцатом, три чрезвычайно почтенные мужа сидели в комфортной и даже роскошно убранной комнате, в одном прекрасном двухэтажном доме на Петербургской стороне и занимались солидным и превосходным разговором на весьма любопытную тему. Эти три мужа были все трое в генеральских чинах. Сидели они вокруг маленького столика, каждый в прекрасном, мягком кресле, и между разговором тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тут же на столике в серебряной вазе со льдом* [Достоевский, 1956, с. 5];

(2) *Он [сотрудник «Головешки»] прямо пробрался в привлекательную заднюю комнатку, где для танцующих кавалеров, еще с начала вечера, поставлена была на маленьком столике, накрытом ярославскою скатертью, водка двух сортов, селедка, икра ломтиками и бутылка крепчай-*

шего хереса из национального погребка. Со злостью в сердце он налил было себе водки, как вдруг вбежал медицинский студент, с растрепанными волосами, первый танцор и канканер на бале Пселдонимова. Он с торопливою жадностью бросился к графину [Там же, с. 30].

В этих фрагментах описаны празднества: в первом случае — день рождения генерала и новоселье (*сидели в одном прекрасном двухэтажном доме на Петербургской стороне*), во втором — свадьба чиновника Пселдонимова и тоже заселение в новый дом — приданое его жены (*в очень ветхом одноэтажном, но длинном деревянном доме*). Комфортная, роскошно убранная комната с ее мягкими креслами в доме Степана Никифоровича Никифорова противопоставлена убранству задней комнаты со столиком с ярославской скатертью в доме Пселдонимова; спиртное — в первом отрывке — это шампанское, находящееся в серебряной вазе со льдом, во втором — водка двух сортов с незамысловатой закуской; различается и способ принятия спиртного — размеренность противопоставляется поспешности: *между разговором тихо и комфортно потягивали* (конфикс *по-...ива-прерывисто-смягчительного* способа глагольного действия со значением повторяемости, размеренности) и *со злостью налил; вбежал, торопливо бросился к графину* (суетливость, спешка, подчеркнутые глаголами движения, мгновенного действия: *вбежал, бросился*) — все это создает фон, «оформляет» (в том числе и эстетически) пространство, в котором разворачиваются события, и маркирует противоположные полюсы в статусе действующих лиц.

Во-вторых, сюжетомоделирующая роль вакхической лексики заключается в ее вовлеченности в повествовательную канву произведения в том смысле, что она может влиять на развитие сюжета, стать отправной точкой какого-либо события или поступка. Например, в детективном жанре вино может быть своеобразной «визитной карточкой» героя, тем элементом, который обуславливает дальнейший сюжет, завязывает событие. Так, пристрастие генерала Соболева из романа Б. Акунина «Смерть Ахиллеса» к определенному типу вина дает возможность его убийце остановить свой выбор на этом средстве убийства (подробнее см. [Димитриева, 2019б]).

В-третьих, вино выступает в качестве этнокультурного маркера, например, в творчестве Н. С. Лескова. «У Лескова судьба человека, — пишет Э. Видуэцкая, — есть, прежде всего, судьба России. Человеческая природа как таковая интересует его меньше, чем русский национальный характер, который он стремится раскрыть в сопоставлении с национальными характерами других народов» [Видуэцкая, 1981]. Некоторые черты национального характера проявляются и в традициях русского питья: в оппозициях

«свой — чужой» (винопитие как элемент вероисповедания), «молчаливость — разговорчивость», «терпеливость — безудержность (склонность к винопитию)»:

(1) <...> — удивительные люди, — *праведники*. Иной бы, поди, какого шума наделал и целый бы век все визжал, а наш с сердцов за чаркой зелена вина где-нибудь выругается, а потом завьет горе веревочкой, да так всю жизнь с обрывком и ходит. Только не дергай его за этот узелок, потому что у него тут больное место завязано (Русский демократ в Польше) [Лесков, 1989, т. 2, с. 86];

(2) Он [Платон] имел будто довольно общую русским людям слабость, что *трезвый* «на все добре мовчал», а *выпивши* — любил говорить и даже «правду-матку ризать» (Старинные психопаты. Эпопея о Вишневском и его сродниках) [Лесков, т. 7, с. 486] и др.

Генерализованный режим приведенных высказываний позволяет выделить некоторые обобщенные свойства русского характера — *общую русским людям слабость* — разговорчивость и способность высказывать правду (за чаркой зелена вина где-нибудь выругается; любил говорить и даже «правду-матку ризать») в пьяном состоянии и, напротив, — склонность терпеть и молчать в трезвом (на все добре мовчал; завьет горе веревочкой, да так всю жизнь с обрывком и ходит).

Предметом подробного рассмотрения в данной статье являются особенности наименования и характеристики спиртных напитков в произведениях Н. С. Лескова, а также уделяется внимание этномаркированному компоненту ситуации винопития.

2. Оценочность номинаций алкогольных напитков в произведениях Н. С. Лескова

Ряд наименований спиртных напитков в произведениях Н. С. Лескова очень широк: *вино, сикер, шампанское, шипучка, коньяк, шартрез, вишневая пунцовка, наливка, ром (ямайский ром), джин, мадера, херес, спирт, водка (водочка), горилка, запридуха* (очень крепкая украинская водка), *кавказская водка* — *кислярка, пиво, мед, пивомедие, тремтете* (crème de thé — чайный ликер-крем) и др.

Особое место среди названий алкогольных напитков занимают оценочные описательные наименования. Далее рассмотрим их подробнее.

Наименования, полученные на основе контаминации названия напитка и какого-либо качества человека или действия, которые созвучны названию спиртного, так называемая языковая игра на основе формально-смыслового типа ассоции-

рования (по Т. А. Гридиной [Гридина, 2016, с. 59—60]). В. С. Елистратов и И. В. Ружицкий отмечают, что тексты Н. С. Лескова изобилуют неологизмами-гапаксами [Елистратов и др., 2018, с. 297], то есть словами, встретившимися только один раз.

Например: (1) *Я вхожу и вижу, что у него **рожь бургонская**, потому что он не только от вчерашнего еще не прохладился, а на старые дрожжи еще много и нового усердия подбавил* (Полунощники) [Лесков, т. 9, с. 159]; (2) *«Марья Амуровна, — говорит, — в акушерках состоит только для принадлежности звания, а она живет в свое удовольствие; поедem с ней в отель «Лангетер» и будем без всего дурного антруи **клюко пить**, и она будет одна танцевать* (Полунощники) [Там же, с. 160].

В выражении *рожь бургонская* слово *бургонская* образовано в результате смешения названия типа вина *бургонское* (или *бургундское*) и негативного наименования человека *бурбон* ‘разг. презр. грубый и невежественный человек (первоначально об офицере, выслужившемся из солдат)’ [СлРЯ, т. 1, с. 125]; название вина *клюко* образовано путем соединения глагола *клюкать* и обозначения сорта шампанского *кликко*.

Наименования, эксплицирующие утилитарный аспект, то есть ожидаемый / желаемый результат от принятия спиртного: *согревающие напитки, осмелительные капли, разговорец из пузырьречка, влага, веселящая сердце* и т. п.:

(1) *Ему [Гиезию] дали [студенты медицинского факультета] **выпить мензулку препаровочного спирта для храбрости**, под видом «осмелительных капель», сказав притом, что без этого нельзя увидеть сердце. Он **выпил** и **ошалел**, сердце он нашел совсем неудовлетворительным и вовсе не похожим на то, как его себе представлял, судя по известному лубочному листу: «сердце грешника — жилище сатаны». **Чтобы увидеть сатану в сердце, его уговорили выпить еще вторую мензулку**, и он **выпил** и потом что-то ел* (Печерские антики) [Лесков, т. 7, с. 173];

(2) *Буфетов еще нет; многие, чувствуя холод, **греются из дорожных фляжек. Согревающие напитки** развивают общение и разговоры* (Путешествие с нигилистом) [Там же, т. 7, с. 125];

(3) *Я и согласился, потому что, **по разговорчивости** Татьяны Яковлевны, надеялся от нее что-нибудь для Груши полезное сведать, и как от Евгеньи Семеновны мне был **лодиколонный пузырьречек** рому к чаю выслан, а я сам уже тогда ничего не пил, то и думаю: **подпуцу-ка** я ей, божьей старушке, в чаек еще вот этого **разговорцу из пузырьречка**, авось она, по благодати своей, мне тогда что-нибудь и **соверт**, чего бы без того и не **высказала*** (Очарованный странник) [Там же, т. 4, с. 484—485];

(4) — *Пейте вино, Шерамур, — ведь мы с вами прощаемся, — пошут* *ил я, заговорив in hoch romantischem Stile. — Могу, — отвечал он. Я налил* *ему большой кубок, в который заходит почти полбутылки, и спросил еще* *вина и еще мяса. Мне хотелось на расставанье накормить его до отвала* *и, если можно, напоить влагою, веселящую сердце* (Шерамур) [Там же, т. 6, с. 282].

В данных примерах выделяются изменения в физическом состоянии (*выпил и ошалел; греются из дорожных флажек*) и акцентируется внимание на приобретении некоторых качеств личности, таких как смелость / храбрость (*«осмелительные капли», для храбрости*), разговорчивость (*разговорцу из пузырьчика*), или положительных эмоций (*влага, веселящая сердце*), причем приобретенная характеристика «выносятся» в наименование напитков (*осмелительные капли — для смелости; согревающие напитки — чтобы согреться; разговорец из пузырьчика — чтобы разговориться, влага, веселящая сердце — чтобы радоваться и т. д.*). Если говорить об общей модальности этих выражений и в целом высказываний, то зачастую передается ироническое осмысление ситуации винопития и / или ее комического результата.

Наименования, эксплицирующие негативную сторону (как правило, причину) принятия спиртного, обусловленность пагубных наклонностей обстоятельствами жизни, обреченность человека и в некотором роде безвыходность ситуации: *яд для забвения; горечь жизни ...; размачивать натуру* и т. п. Приведем примеры:

(1) «[Дросида] <...> *но только вот этого ужасного плакона беречь* ...» *И вынимает из-за шейного платка беленький стеклянный пузырек и показывает. Я спрашиваю: «Что это?» А она отвечает: «Это и есть ужасный плакон, а в нем яд для забвения». И говорю: «Дай мне забвенного яду: я все забыть хочу». Она говорит: «Не пей — это водка. Я с собой не совладаю раз, выпила ... добрые люди мне дали ... Теперь и не могу — надо мне это <...>»* (Тупейный художник) [Там же, т. 7, с. 236];

(2) *И тогда ото всего этого [от череды несчастий] отец Иван стал искать забвения своего горя в вине, которого прежде во всю жизнь свою не пил <...> Этот трактиричик подавал ему своего домашнего приготовления графин на горькой трефоли, и отец Иван ее потреблял со вкусом, и говорил: «Эта горечь для меня отраду приносит, ибо она горечь жизни моей преобразует»* (Заметки неизвестного. Как нехорошо осуждать слабости) [Там же, т. 7, с. 324];

(3) <...> *«а ныне, — говорит, — я за свои своеволия проклят, и вся моя натура окаменела, и я ее должен постоянно размачивать, а потому*

подай мне водки! — я за нее денег платить не имею, но зато со стеклом съем» (Очарованный странник) [Там же, т. 4, с. 457].

В первом примере Дросида называет водку *ядом* для забвения: жизненные несчастья (*горе горькое*) превратили сердце Любви Онисимовны в жгущий уголь (<...> *сердце у меня как уголь горит и истопу нет*), который необходимо *облить*, чтобы жить дальше (*Ведь оно горе горькое, а яд горевой еще горче, а облить уголь этим ядом — на минуту гаснет*). Слова *горе*, *горький*, *гореть* связаны общим происхождением (*гóre* ‘общеслав. того же корня, что и *гореть*; буквально — то, что жжет’, ср. аналогичное по семантике *печаль* (от *печь*), ср. также оборот *горе горькое* [Шанский, 1971, с. 109]), что объясняет в целом метафорический образ горящей души или горящего сердца и водки как средства тушения или смягчения состояния. Во втором примере подобным же образом соотносятся *горечь жизни* и *горечь спиртного*. В третьем примере представлен образ окаменелой натуры (души, характера), для которой спиртное также является необходимым средством размягчения.

Во всех трех высказываниях для субъекта винопития спиртное становится жизненно необходимым средством, своего рода лекарством, не исцеляющим, но дающим возможность продолжать свой жизненный путь. Оценочный фон становится эмоционально окрашен негативными переживаниями.

Клишированные наименования, такие как *старинное доброе средство*; *доброе русское пенное вино*; *брага хмельная, разымчивая*; *известное старинное доброе средство*; *за чаркой зелена вина* и т. д.:

(1) *Но как они хотели воспрепятствовать изгаге, то просили отца Павла принять известное старинное доброе средство: рюмку цельного пуншьевого рому с аптечными каплями аглицкой мяты-холодянки. Отец Павел и сам знал, что это преполезное в несварении желудка смешение всегда помогает и, в знак того, что часто заставляет отупевать боли, прозвано у духовных «есмирмисменно вино» (Заметки неизвестного) [Лесков, т. 7, с. 379];*

(2) *А от сажки не только никакая мелкая гадь в стене не водится, но эта сажка имеет очень важные врачебные свойства, и «наши добрые мужички с великою пользою могут пить ее, смешивая с нашим простым, добрым русским вином». Словом — в курной избе, по словам брошюры, было целое удовольствие (Загон) [Там же, т. 9, с. 365].*

Как видно из примеров, указываются такие параметры напитка, как национальность (*русское*), возраст (*старинное*), качество (*доброе*), степень признанности (*известный*).

Номинации на основе предтекста, возможность создания которых отмечает Е. А. Земская. Результатом осмысления предыдущего контекста может быть возникновение неузуального (окказионального) существительного, созданного на основе предтекста: «процессуальный или непроцессуальный признак» переходит в наименование человека по его действию или признаку и имеет, как правило, формальное выражение *ошибаться* — *ошибальщики* [Земская, 1990, с. 19]. Также в результате интерпретации текущей ситуации может возникнуть новое значение (речь идет о так называемом семантическом словообразовании). Порождение нового значения от окказиональной номинации спиртного на основе предтекста является одним из способов, который Н. С. Лесков для усиления иронического модуса повествования. Рассмотрим в качестве примеров изменение значения слова *лампопо* (анаграмма от *пополам*) в первом примере и *анкор* (нареч. *encore adv.* «Еще раз, повтори» [Епишкин, 2010, с. 399]) во втором:

(1) — *Ну вот и прекрасно: есть, господа, у нас пиво и мед, и я вам состряпаю из этого такое лампопо, что ...* — Термосесов поцеловал свои пальцы и договорил: *язык свой, и тот, дупивая, проглотице.* — *Что это за лампопо??* — спросил Ахилла. — *Не лампопо?, а лампопо? — напиток такой из пива и меду делается. Идем!* — и он потянул Ахиллу за рукав. — *Постой,* — оборонялся дьякон. — *Какое же это лампопо?? Это у нас на похоронах пьют ... «пивомедие» называется <...> Дьякон даже не сразу понял, как все это случилось, но, увидав в дверях Термосесова, погрозившего ему садовою лопатой, понял, отчего удар был широк и тяжек, и протянул: — Вот так лампопо?! Спасибо, что поучил <...> И Ахилла, отпустив услужающую, присел на корточки к окну и, все вздыхая, держал у себя на затылке гривну и шептал: — Такое лампопо вздулось, что по-настоящему дня два показаться на улицу нельзя будет (Соборяне)* [Лесков, т. 4, с. 196, 199, 200].

(2) *По говору слышно было, что тут, должно быть, помещены какой-то старичок со своею старушкою. Они все что-то перекладывали и бурчали, причем старик употреблял букву ш вместо с и ж вместо з, а также он употреблял что-то и из «штакана» и называл это «анкор» <...> — ... Я више шкажал, и дай мне жа это шомужски и анкор! А старушка отвечала: — Семужски на, а анкор не надо. — Отчего же не надо? Я именно хочу анкор. — Так, нельзя анкор. — Что жа так! что жа нельжа!.. Налей, налей мне, мама, штаканчик! Я умно, хорошо вждумал, — мы теперь уштроимши. Она налила, а он выпил и крякнул. <...> Дай анкор, тогда шкажу — почему. — Пьяница! — Шовишем нет, а я умный человек. Дай*

анкор <...> Я закрыл голову подушкой и пролежал так минут двадцать. Стало душно. Я опять раскрыл голову и прислушался. Разговор не то продолжается, не то кончен, и старички даже, кажется, спят. Так и есть: слышны два сонные дыхания: одно как будто задорится выработать «анкор», а другое пускает в ответ тоненькое «плипли». — **Encore!** — Плипли ... Травят кого-то или даже, может быть, казнят — расстреливают, что ли, кого-то во сне (Полуношники) [Там же, т. 9, с. 126, 127, 128].

В обоих примерах название напитка меняет свою денотативную сферу: *лампопо* становится наименованием раны, полученной от «создателя» *лампопо*; *анкор* — негативно оцениваемой характеристикой храпа героя.

Наименования ритуального характера, такие как *мировая*, *магарыч* (вариант *могарыч*). А. Ф. Журавлев отмечает, что в говорах восточнославянских языков выделяется большое количество наименований со значением «‘<...> выпивка между продавцом и покупателем по случаю купли-продажи скота’ или, точнее, ‘выпивка по случаю торговой сделки (вообще)’», одним из таких слов является *магарыч* с вариантами во множественном числе и с написанием через *о* — *могарыч*, *могорыч* [Журавлев, 1984, с. 109]. В произведениях Лескова слово *магарыч* (*могарыч*) употребляется в двух значениях — ‘сделка по случаю купли-продажи скота’ (пример 1) и ‘(торговая) сделка вообще’ (примеры 2, 3).

(1) *С того и пошло: и капитал расти и усердное пьянство, и месяца не прошло, как я вижу, что это хорошо: обвешался весь бляхами и коновальскою сбруею и начал ходить с ярмарки на ярмарку и везде бедных людей руководствую и собираю себе достаток и все магарычи пью* <...> (Очарованный странник) [Лесков, т. 4, с. 450];

(2) *Тут они и затеяли магарычи пить, потому что он уже своей поганой веры избавился, крестился и мог вино пить. «Не хочу я, — говорю, — ничего», ну, только, однако, выпила* (Воительница) [Там же, т. 1, с. 217];

(3) — *Право, право: приезжайте, Горданов! Это даже необходимо: мы рассчитались приятельски, — разопьемте же вместе магарыч* (На ножках) [Лесков, 2004, т. 9, с. 211].

Еще одним словом, имеющим ритуальную семантику, является субстантивированное прилагательное *мировая*. Выражение *пить мировую* означает ‘пить в знак окончания ссоры’ [Михельсон, 1896—1912]: (1) *Не гож этот мир, а деды недаром нам завещали «не побивши кума, не пить мировой»* (Соборяне) [Лесков, т. 4, с. 183]; (2) *Жид насчитает лишнее, положит за выпитое то, что и не было пито, и за то поврежденное и разбитое, что совсем не повреждалось; но они рассчитаются с ним и опять будут жить ладно до новой истории. Жид сам же им поставит первую*

выставку без денег «на мировую», а потом они заохотятся и поддержат коммерцию... (Старинные психопаты) [Там же, т. 7, с. 479].

Питье магарыча является ритуалом, завершающим сделку, выпивание мировой — началом новых взаимоотношений и отказом от предыдущих.

Наименования спиртных напитков и их образные описания, с одной стороны, отражают утилитарную оценку, с другой — передают ценностное осмысление ситуации винопития в целом как в положительном ключе, так и в отрицательном (включая ироническое отношение автора).

3. Стереотипные представления о национальности и вероисповедании

«Предметы реального мира, — пишет М. Л. Ковшова, — в онтологически присущих им свойствах и первичном назначении существуют в пространстве культуры постольку, поскольку в соединении с этими реалиями существует, действует и развивается человек, в деятельности познавая и преобразуя мир» [Ковшова, 2015, с. 10]. В процессе деятельности человека бытовые предметы приобретают дополнительные смыслы. «Вещи навязывают нам манеру поведения, поскольку создают вокруг себя определенный культурный контекст» [Лотман, 1994, с. 12].

Помимо утилитарной функции, прямого своего назначения, вино является этнокультурным маркером, репрезентантом и своего рода идентификатором национальности с присущим ей рядом черт. Для героев Н. С. Лескова важным становится противопоставление своей веры и чужой и отношение в них к спиртному [Димитриева, 2019а]:

(1) <...> *люди проникли, что Голован, задабривая Юшку, хотел добыть у него тщательно сохраняемые евреями «иудины губы», которыми могут перед судом отолгаться, или «волосатый овоц», который жидам жажду тушит, так что они могут вина не пить* (Несмертельный Голован) [Лесков, т. 6, с. 373];

(2) *«Через что это государь огорчился? — думал Платов, — совсем того не понимаю», — и в таком рассуждении он два раза вставал, крепстился и водку пил, пока насильно на себя крепкий сон навел* (Левша) [Там же, т. 7, с. 29];

(3) *Я лег для опаски в траву и высматриваю: что за народ такой? Потому что боюсь, чтобы опять еще в худший плен не попасть, но вижу, что эти люди пищу варят ... Должно быть, думаю, христиане. Подполз еще ближе: гляжу, крестятся и водку пьют, — ну, значит, русские! <...> «Пей водку!» Я отвечаю: «Я, братцы мои, от нее, с татарвой живучи, совсем отвык». «Ну, ничего, — говорят, — здесь своя нация, опять привыкнешь: пей!»* (Очарованный странник) [Там же, т. 4, с. 446—447];

(4) *Делать Вишневному здесь было нечего, и он начал «чудить». Прежде всего он надумал импонировать москвичам своей хохлацкой «нацией». Он не хотел никого знать — одевался по-хохлацки, много пил «запридуху» и ел, будто, одно только медвежье мясо (Старинные психопаты. Эпопея о Вишневе и его сродниках) [Там же, т. 7, с. 452].*

Как видно из примеров, выделяются и противопоставляются непьющие нации (татары, евреи) и пьющие (русские, украинцы), привычка креститься перед выпиванием рюмки является идентификатором поведения русских.

В произведениях Лескова отмечаются некоторые традиции, связанные с традициями и обрядовыми практиками питания на свадьбах и других празднованиях:

(1) *Так и вина Настя хлебнула с Григорьем из одной чашки «в знак единения», тихо и спокойно. <...> безропотно давала свои уста Гришке, когда говорили: «горько», «кисло», «мышинные ушки плавают», и затем сидела безмолвным истуканом <...>; Барин взял рюмку травника, поднял ее и проговорил: — Ну, дай же вам бог жить в счастье, радости, совете, любви да согласи! — **выпил полрюмки, а остальным плеснул в потолок.** — Спасибо тебе, Митрий Семеныч, на добром слове! — сказал Прокудин, а за ним и другие повторили то же самое. Настя подала барину ручник, а барин положил на тарелку целковый (Житие одной бабы) [Там же, т. 1, с. 286, 295];*

(2) *Николай Фермор не сконфузился, но очень обиделся; он стоя дождался, пока шум стих, обвел вокруг сидевших за столом товарищей, мрачно улыбнулся и сказал: — Ну, если мне суждено выпить мою чашу одному, то я ее один и выпью. И с этим он **выпил вино и разбил бокал, чтобы из него не пили ни за какое другое пожелание** (Инженеры-бессребреники) [Там же, т. 8, с. 252].*

Непременный атрибут застолья — спиртное — является носителем дополнительного символического смысла: акт ритуального выпивания сопровождается ритуальным действием (разбивание бокала, совместное выпивание из одной посуды, выливание в потолок остатков вина и др.).

Как отмечает В. В. Леденева, жизнь в произведениях Лескова идет по православному календарю, поэтому в некоторых случаях автор указывает на время имплицитно [Леденева, 2015, с. 17], например, вводит наименования праздников Пасха, Петров день, Рождество и т. п.:

(1) *<...> **однажды**, когда цепи [на мосту] были уже натянуты, один калужский каменщик, по уполномочию от товарищей, сходил **во время пасхальной заутрени** с киевского берега на черниговский по цепям, но не за иконою, а за водкою, которая на той стороне Днепра продавалась тог-*

да много дешевле. Налив бочонок водки, отважный ходок повесил его себе на шею и, имея в руках шест, который служил ему балансом, благополучно возвратился на киевский берег с своею корчемною ношею, которая и была здесь распита **во славу св. Пасхи** (Печерские антики) [Лесков, т. 7, с. 219];

(2) **Петров день** — это был «наш престол» и «наш праздник» <...> На улице опять «шла гульба», **было «сыто и пьяно»** <...> (Юдоль. Рапсодия) [Там же, т. 9, с. 312].

Как видно из примеров, объективное время передается православными темпоральными маркерами (Петров день, св. Пасха и т. д.).

4. Выводы

Наименование напитков часто осмысливается Н. С. Лесковым в комическом и ироническом ключе, причем окказиональные образования являются элементами народной речи: с одной стороны, они маркируют утилитарный аспект ситуации винопития (*согревающие напитки, осмелительные капли*), с другой — выражают положительную или негативную составляющую употребления спиртного (*влага, веселящая сердце / яд для забвения*). Оппозиция «свой мир — иной» связывается с идеей движения, перемещения в иной мир — это, например, *выходы* Ивана Флягина, *размачивание души* магнетизера в «Очарованном страннике».

В концептуализации ситуации винопития значимым становится ритуальный компонент, то есть символическое ее осмысление. Акт ритуального выпивания может совершаться как в бытовой обстановке (например, обмывание сделки — *пить магарыч*), так и в праздничной (на свадьбе — при поздравлении).

Лесков усматривает взаимосвязи между вероисповеданием, этносом и питием: пристрастие к спиртному может служить идентифицирующей чертой нации (*пьют, значит, русские*), оппозиция «своя вера — чужая» проявляется в характеристиках «пьющих» (например, русские, украинцы) и «непьющих» (евреев, турок, татар) наций.

Источники и принятые сокращения

1. Достоевский Ф. М. Скверный анекдот / Ф. М. Достоевский // Собрание сочинений в 10 т. — Том 4. Произведения 1862—1869. — Москва : ГИХЛ, 1956. — С. 5—60.
2. Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 т. [Электронный ресурс] / Н. С. Лесков. — Москва : ГИХЛ, 1956—1958. — Режим доступа : <https://rvb.ru/leskov/toc.htm>.
3. Лесков, 1989 — Лесков Н. С. Собрание сочинений в 12 томах / Н. С. Лесков. — Москва : Правда, 1989. — Том 2. — 416 с.
4. Лесков, 2004 — Лесков Н. С. Полное собрание сочинений : в 30 томах / Н. С. Лесков. — Москва : ТЕРРА — Книжный клуб, 2004. — Том 9. — 944 с.

5. Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2 / М. И. Михельсон [Электронный ресурс]. — Санкт-Петербург : тип. Ак. наук, 1896—1912. — Режим доступа : dis.academic.ru/contents.nsf/michelson_old.

6. СлРЯ — *Словарь* русского языка : в 4-х т. — Москва : Рус. яз. ; Полиграфресурсы, 1999. — Т. 1. А—Й. — 702 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляевская Е. Г. Интерпретация знаний о мире в языке и ее основные типы / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. — 2016а. — № 13 (752). — С. 9—17.

2. Беляевская Е. Г. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в языке / Е. Г. Беляевская // Вестник МГЛУ. — 2016б. — № 19 (758). — С. 18—27.

3. Болдырев Н. Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2019. — № 38. — С. 21—30.

4. Видуэцкая Э. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века / Э. Видуэцкая // Вопросы литературы. — 1981. — № 2. — С. 148—188.

5. Гридина Т. А. Игровой потенциал слова (по данным ассоциативного словаря) / Т. А. Гридина // Новая Россия : традиции и инновации в языке и науке о языке. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. — С. 56—69.

6. Димитриева О. А. Что и как пьют герои Н. С. Лескова и Ф. М. Достоевского / О. А. Димитриева // Русский язык : исторические судьбы и современность : VI Международный конгресс исследователей русского языка. — Москва : Издательство Московского университета, 2019а. — С. 234—235.

7. Димитриева О. А. Художественная интерпретация концепта винопитие в серии детективных романов Бориса Акунина «Приключения Эраста Фандорина» / О. А. Димитриева // Научный диалог. — 2019б. — № 9. — С. 56—72. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72.

8. Елистратов В. С. Когда у Достоевского и Лескова дважды два не равно четырем / В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий // Лингвистика креатива-4. — Екатеринбург : УрГПУ, 2018. — С. 282—333.

9. Епишкин Н. И. Исторический словарь галлицизмов русского языка / Н. И. Епишкин. — Москва : ЭТС, 2010. — 5140 с.

10. Журавлев А. Ф. «Обмывание копыт» (из восточнославянской лексики и фразеологии, связанной с ритуалами купли-продажи скота) / А. Ф. Журавлев // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте. — Москва : Наука, 1984. — С. 109—114.

11. Земская Е. А. Словообразование и текст (К семидесятилетию М. В. Панова) / Е. А. Земская // Вопросы языкознания. — 1990. — № 6. — С. 17—30.

12. Ирисханова О. К. О распределении внимания в нарративных текстах : анализ рассказа Дж. Апдайка «Daughter, last glimpses of» / О. К. Ирисханова // Вестник МГЛУ. — 2013. — № 17 (677). — С. 18—36.

13. Ковшова М. Л. Семантика головного убора в культуре и языке. Костюмный код культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : Гнозис, 2015. — 368 с.

14. Леденева В. В. Слово Лескова / В. В. Леденева. — Москва : ИИУ МГОУ, 2015. — 260 с.

15. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре : Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю. М. Лотман. — Санкт-Петербург : Искусство—СПб, 1994. — 399 с.

16. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н. М. Шанский, В. В. Иванов, Г. В. Шанская. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Просвещение, 1971. — 542 с.

FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF WINE DRINKING SITUATION IN THE WORKS OF N. S. LESKOV

© Olga A. Dimitrieva (2020), orcid.org/0000-0003-2734-640X, PhD in Philology, senior researcher, Research Institute of Ethnopedagogy named after Academician RAO G. N. Volkov, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University” (Cheboksary, Russia), olgaal_79@mail.ru.

The features of the presentation of the situation of drinking in the works of N. S. Leskov are discussed. It is noted that Bacchic vocabulary can perform various functions in the world of artwork. Firstly, it participates in the spatial organization of the work, “sets” the background for the development of events. Secondly, it performs a plot-modeling function, that is, forms a narrative canvas, is a key turning point of events. It is noted that, in addition to the utilitarian function, wine can be an indicator of social status, values, beliefs. The author sets a goal — to identify the features and characteristics of the names of alcohol, as well as the ethnocultural component of understanding the situation of wine drinking. Features of the name of alcohol are described: hapaks arising on the basis of compounding of the name of alcohol and consonant action or any of its characteristics; positive and negative descriptive names; transfer of the name of the alcohol to the situation and / or its result, etc. It is shown that an important feature of Leskov's idiosyncrasy is the representation of the Russian national character through the introduction of national customs and traditions, often presented against the background of the life characteristics of other nations, while the situation of wine drinking plays an important role in this case.

Key words: Leskov; conceptualization; national character; mentality; Russian language picture of the world; individual author's picture of the world.

MATERIAL RESOURCES

Dostoyevskiy, F. M. (1956). Skvernnyy anekdot. In: *Sobraniye sochineniy v 10 t., 4. Proizvedeniya 1862—1869*. Moskva: GIKhL. 5—60. (In Russ.).

Leskov, N. S. (1956—1958). *Sobraniye sochineniy v 11 t.* Moskva: GIKhL. Available at: <https://rvb.ru/leskov/toc.htm>. (In Russ.).

Leskov, N. S. (1989). *Sobraniye sochineniy v 12 tomakh*. Moskva: Pravda. 2.

Leskov, N. S. (2004). *Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomakh*. Moskva: TERRA — Knizhnyy klub. 9.

Mikhelson, M. I. (1896—1912). *Russkaya mysl' i rech. Svoye i chuzhoeye. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy, 1—2*. Sankt-Peterburg: tip. Ak. Nauk. Available at: dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_old. (In Russ.).

SIRYa — *Slovar' russkogo yazyka: v 4-kh t., I.* (1999). Moskva: Rus. yaz.; Poligrafresursy. (In Russ.).

REFERENCES

- Belyayevskaya, E. G. (2016a). Interpretatsiya znaniy o mire v yazyke i yeye osnovnyye tipy. *Vestnik MGLU*, 13 (752): 9—17. (In Russ.).
- Belyayevskaya, E. G. (2016b). Diskursivnaya interpretatsiya znaniy o mire v yazyke. *Vestnik MGLU*, 19 (758): 18—27. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. (2019). Dominantnyy printsip kontseptualnogo vzaimodeystviya v yazykovom obshchenii. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 38: 21—30. (In Russ.).
- Dimitriyeva, O. A. (2019a). Chto i kak pyut geroi N. S. Leskova i F. M. Dostoevskogo. In: *Russkiy yazyk: istoricheskiye sudby i sovremennost': VI Mezhdunarodnyy kongress issledovateley russkogo yazyka*. Moskva: Izdatelstvo Moskovskogo universiteta. 234—235. (In Russ.).
- Dimitrieva, O. A. (2019b). Artistic Interpretation of the Concept of WINE DRINKING in a Series of Detective Novels by Boris Akunin “The Adventures of Erast Fandorin”. *Nauchnyi dialog*, 9: 56—72. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-9-56-72. (In Russ.).
- Elistratov, V. S., Ruzhitskiy, I. V. (2018). Kogda u Dostoyevskogo i Leskova dvazhdy dva ne ravno chetyrem. In: *Lingvistika kreativa-4*. Yekaterinburg: UrGPU. 282—333. (In Russ.).
- Epishkin, N. I. (2010). *Istoricheskiy slovar' gallitsizmov russkogo yazyka*. Moskva: ETS. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (2016). Igrovoy potentsial slova (po dannym assotsiativnogo slovaryaya). In: *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke*. Moskva; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. 56—69. (In Russ.).
- Iriskhanova, O. K. (2013). O raspredelenii vnimaniya v narrativnykh tekstakh: analiz rasskaza Dzh. Apdayka «Daughter, last glimpses of». *Vestnik MGLU*, 17 (677): 18—36. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2015). *Semantika golovnogogo ubora v kulture i yazyke. Kostyumnyy kod kulture*. Moskva: Gnozis. (In Russ.).
- Ledeneva, V. V. (2015). *Slovo Leskova*. Moskva: IIU MGOU. (In Russ.).
- Lotman, Yu. M. (1994). *Besedy o russkoy kulture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII — nachalo XIX veka)*. Sankt-Peterburg: Iskustvo—SPB. (In Russ.).
- Shanskiy, N. M., Ivanov, V. V., Shanskaya, G. V. (1971). *Kratkiy etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Moskva: Prosveshcheniye. (In Russ.).
- Viduetskaya, E. (1981). Tvorchestvo Leskova v kontekste russkoy literatury XIX veka. *Voprosy literatury*, 2: 148—188. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A. (1990). Slovoobrazovaniye i tekst (K semidesyatiletiyu M. V. Panova). *Voprosy yazykoznaniya*, 6: 17—30. (In Russ.).
- Zhuravlev, A. F. (1984). «Obmyvaniye kopyt» (iz vostochnoslavlyanskoy leksiki i frazeologii, svyazannoy s ritualami kupli-prodazhi skota). In: *Slavyanskoye i balkanskoye yazykoznaniye. Yazyk v etnokulturnom aspekte*. Moskva: Nauka. 109—114. (In Russ.).